

На высшей точке этой эволюции (хронологически ее можно отнести к 1968—1969 годам) бунт решительно поднимает знамя нового варварства, стихийных сил жизни, «закрепощенных» культурой, знамя разрушения, возводимого в ранг творчества. Этот дух абсолютного бунта и символизировал Антониони образом ядерного взрыва. Движение, родившееся из чувства ужаса перед силами распада, пришло к воспеванию самого этого распада, что знаменовало его разложение и духовное поражение.

Быстро обнаружили свою социальную неплототворность и самые кричащие внешние атрибуты молодежного стиля, с которыми в 60-е годы порой связывались прямо-таки надежды на некое чудо «расточения» капитализма под неудержимым натиском длинноволосых хиппи и гремящих рок-ансамблей.

В сущности, ни один даже из самых серьезных лидеров движений не сделал попытки отмежеваться от ставших эмблемой молодежного бунта, а затем безгранично используемых буржуазной «индустрией развлечений» нагих тел, наркотиков и

бит-ритмов. Очень большая часть контркультуры, связанная с темами «сексуальной революции, вообще влилась в русло порнографического бизнеса.

Более того, назойливое подчеркивание темы сексуальных свобод и самими бунтарями, и буржуазными средствами массовой информации привело к тому, что общественное мнение стало склонно отождествлять порнографию и «новую мораль», что создало климат, очень благоприятствующий возрождению консервативных и охранительных тенденций, в том числе и среди самой молодежи, уставшей от бесплодного разрушительства.